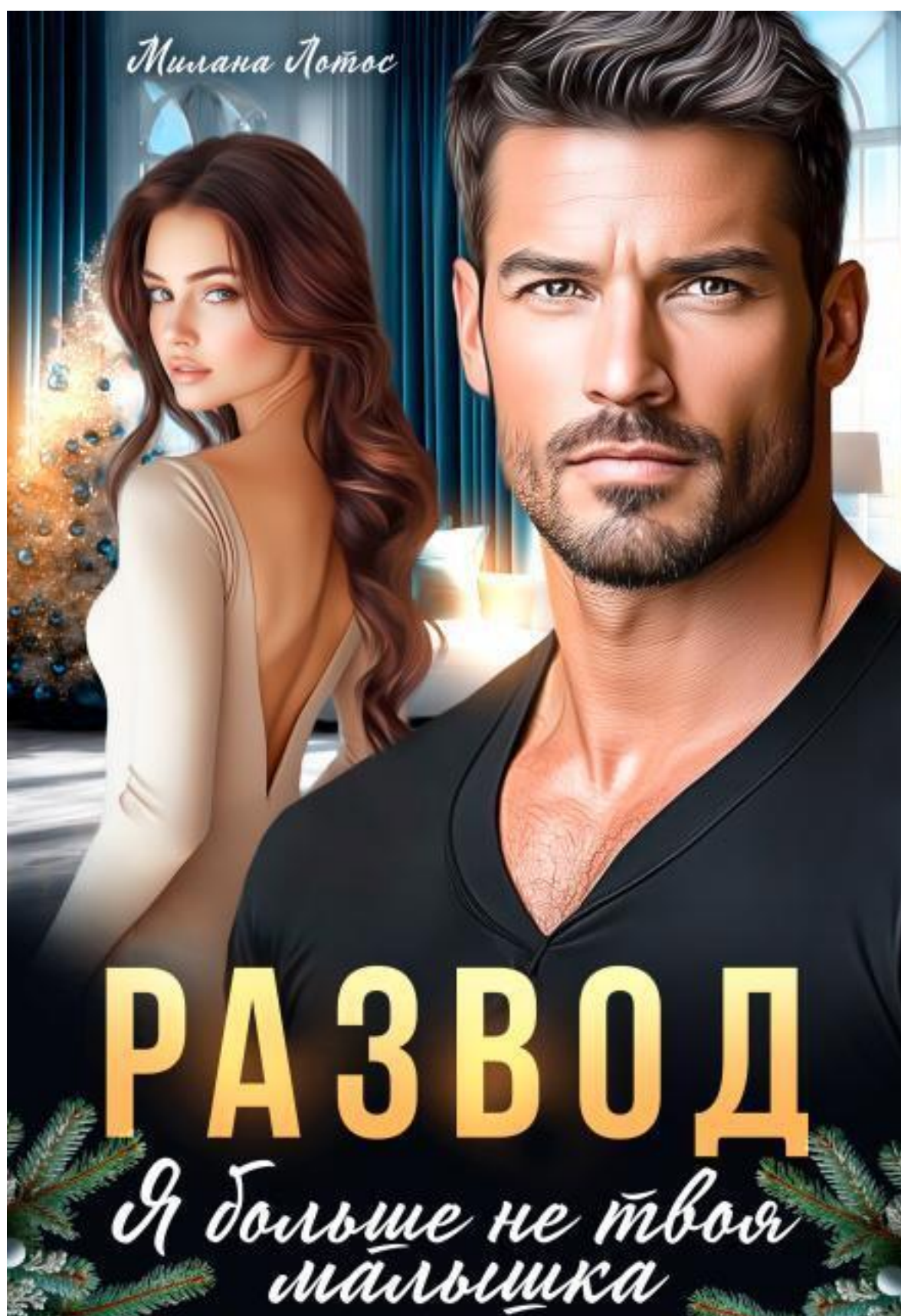

Милана Лотос

РАЗВОД

*Я больше не твоя
малышка*

Милана Лотос

**Развод. Я больше
не твоя малышка**

«Литнет»

2025

Лотос М.

Развод. Я больше не твоя малышка / М. Лотос — «Литнет», 2025

– Лен, нам надо развестись, — бросил муж, отведя взгляд в сторону. А у меня в груди что-то оборвалось и застыло ледяным комом. Руки задрожали, и только что вымытая тарелка с хрустальным звоном разбилась о кафель.— Игорь, ты с ума сошел?! – губы мои предательски задрожали, а ноги сами подкосились, чтобы собрать осколки. - Что значит, развестись? У тебя появилась другая женщина, да?– Да не важно это! - устало произнес он. – Я уйду, потому что меня ВСЁ достало!После пяти лет брака, муж решил развестись со мной. Вот так, за несколько дней до Нового года он преподнес мне сюрприз. Мы разводимся и разъезжаемся по разным углам. Но у меня тоже есть сюрприз, который я ношу под сердцем. И когда о нем скажу, я пока не решила.♥#как всегда очень эмоционально♥#сильная духом героиня, которая преодолевает многое♥#герой, который пока не понимает, какое счастье потерял♥#ХЭ для тех, кто вел себя хорошо в этом годуГрафик прод: первую неделю каждый день, дальше - через день.Книга участвует в литмобе «(Не) развод под Новый Год»; - 18+

© Лотос М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1. Лен, нам надо развестись...	5
2. Я подаю на развод!	7
Визуализация ♥#	9
3. Поздравляю с сомнительным достижением.	10
4. А ты, сынок, как? Счастлив?	13
5. Разбирайся со своими проблемами сам	15
6. Наслаждайся своей победой...	18
7. Добро пожаловать в ад...	21
8. Лена умная... Хитрая.	23
9. Я не хотел этого. Всего этого.	26
10. Ты беременна от моего мужа?	28
11. Реальная угроза.	30
12. Он вскроет твою жизнь, как консервную банку.	32
13. Сердцебиение... слышно?	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

1. Лен, нам надо развестись...

– Лен, нам надо развестись, — бросил Игорь, отведя взгляд в сторону. Сказал это так же буднично, как «передай соль». А у меня в груди что-то оборвалось и застыло ледяным комом. Руки задрожали, и только что вымытая тарелка с хрустальным звоном разбилась о кафель.

– Что... прости? — выдохнула я, прекрасно расслышав каждое слово, но отказываясь в него верить. Мозг отказывался принимать этот абсурд.

– Малыш, хватит притворяться. Ты все прекрасно слышала, — он раздраженно провел рукой по волосам, его взгляд был пустым и уставшим.

– Игорь, ты с ума сошел?! Что значит, развестись? — губы мои предательски задрожали, а ноги сами подкосились, чтобы собрать осколки. И вот я уже сижу на коленях перед ним, словно провинившаяся школьница. Словно это я в чем-то виновата.

– Мне все надоело, Лена! До тошноты! Наша жизнь превратилась в один сплошной день сурка! Работа, дом, унылый секс раз в неделю по расписанию, если конечно повезет! А эти твои вечные упреки: «Почему не позвонил?», «Опять задерживаешься?», «Тебе на меня наплевать?! Да, наплевать. Меня все это достало!

Я подняла на него глаза, яростно хлопая ресницами, чтобы сдержать предательские слезы. Сейчас я не дам ему удовольствия их увидеть.

– Теперь придется новый сервиз покупать... а я этот обожала, — проговорила я, закусывая губу до боли. Зачем я это сказала? Какие тарелки, когда рушится вся жизнь?

– И это все, что ты можешь сказать? — он усмехнулся, и в этой усмешке было столько презрения, что меня передернуло. — Ну конечно. Ничего удивительного.

Я подняла глаза на человека, с которым всего час назад собиралась делить радостную новость. Новость, которую мы ждали пять долгих лет. Два выкидыша, слезы, отчаяние и вот — заветные две полоски. Рука сама потянулась к животу, где уже билось крошечное сердце. Нет. Теперь он не узнает никогда. Решил уходить? Что ж, скатертью дорога. Пусть валит к своей шлюхе. Скажу ребенку, что его папа умер.

– У тебя появилась другая женщина, да? — вырвалось у меня против воли. Не хотела спрашивать, не хотела унижаться, но ревность, едкая и ядовитая, уже разъедала душу.

– Что? О чем ты?

– Ну конечно! Иначе откуда бы взялся этим упрекам об «унылом сексе»? Он что, на стороне появился, горячий и страстный?

Игорь отвернулся и подошел к окну, сделав вид, что смотрит во двор. Но я видела — его плечи напряглись. Он прячет глаза. Лжет.

– Игорь, не ври мне! Ты хочешь развода! Что я должна думать?

– Да не важно это! Я просто ухожу, потому что меня ВСЕ достало! — он рявкнул, резко обернувшись и вонзив в меня взгляд. — Вот это вот все! — он дико обвел рукой кухню и меня в ней. — Твои вечные истерики, твоя галерея, куда ты сбегаешь с утра до ночи, лишь бы не видеть меня! Может, там у тебя кто-то есть?!

– Я работаю! — вспыхнула я, чувствуя, как кровь бьет в виски. — И да, я люблю свою работу! В отличие от тебя, она не считает меня истеричкой!

– Похоже, это единственное, что ты любишь, — язвительно бросил он, закатывая глаза с таким видом, будто я — ничего не стоящая букашка.

Я сжала кулаки, ногти впились в ладони, и отвернулась, инстинктивно прикрывая живот рукой.

«Все хорошо, малыш, мама сильная, мы справимся», — прошептала я мысленно.

– Не единственное, — просипела я сквозь стиснутые зубы, поворачиваясь к нему. Еще одна тарелка была в моей руке. — Как ее зовут?

– Кого, Лен? – он сделал удивленное лицо, но в его глазах промелькнула паника.

– ТВОЮ ЛЮБОВНИЦУ, ИГОРЬ! – я задышала часто и шумно, чувствуя, как по телу разливается адреналин. – Это твоя помощница? Арина, что ли? Та, что на корпоративе вилась вокруг тебя, как сука в течке, не стесняясь меня?!

– Хватит нести чушь! – его лицо покрылось красными пятнами, он сжал кулаки. – Прекрати этот цирк!

– «Игореша, можно я пораньше уйду? Игореша, как тебе мои новые колготки?» – срывающимся, слащавым голосом передразнила я его блондинку-помощницу, и тарелка в моей руке задрожала.

– Замолчи! – прорычал он, делая шаг ко мне.

Но было поздно. Я с грохотом швырнула тарелку об пол, прямо перед его ногами. Он отпрянул.

– Ты совсем охренела?!

– А что? Секс-то у тебя, я смотрю, появился! – я уже тянулась за следующей тарелкой, истерика поднималась комом в горле. – Давно она под тобой лежит, а? С тех пор, как я в больнице после последнего... после того, как мы нашего малыша потеряли? Удобно же, да? Жена в депрессии, а ты – развлекаешься!

Это было ниже пояса, я знала. Но его слова про «жалость» и «привычку» ранили более любого ножа.

– Замолчи! – он рывком рванулся ко мне и схватил за запястья, сжимая так, что кости хрустнули. Его лицо исказила чистая ярость. – Я тебя предупреждаю! Утомонись!

– Сам уймись, кобель! – вырвалась я, пытаюсь вывернуться, но он был сильнее, выше. Его мышцы, которые он так усердно качал в зале, теперь работали против меня. – Решил уходить? Вали! Но свои вещи заberi, а то я их с балкона выкину!

– Истеричная дура! – он с силой оттолкнул меня, и я едва удержалась на ногах. – Я рад, что все это заканчивается! Думал, ты очухаешься после выкидыша, вернешься, станешь прежней... но нет. Тебя съела твоя работа и твои комплексы! Детей мы не можем иметь пять лет, Лена! ПЯТЬ ЛЕТ! Может, это знак? Что мы ни черта не подходим друг другу! И знаешь что? Мне надоело быть твоим психологом и козлом отпущения! Сдохнешь тут без меня со своей истерикой!

– Сволочь! Убирайся к черту! Я тебя ненавижу! – закричала я, и слезы, наконец, хлынули потоком, горячими и беспомощными.

Он уже был в дверях, но обернулся, чтобы добить, его голос прозвучал холодно и цинично:

– Кстати, о квартире. Она по документам моя. Так что, милая, у тебя есть ровно два дня, чтобы собрать свои вещи и убраться. Мы с Ариной будем тут жить. Она, кстати, уже ждет ребенка. В отличие от тебя, у нее все получается.

2. Я подаю на развод!

– По каким таким документам, Игорь? Мы брали ипотеку на двоих и по документам мы два собственника. Так что, а не пошел бы ты со своей Ариной на хер под Новый год! – я рычала себе под нос, с силой швыряя его дорогие галстуки в черный мусорный мешок.

Каждый шелковый лоскут, который я когда-то с любовью выбирала, теперь казался символом лжи.

Внутри все кипело от ярости и предательства, но я сжимала зубы до боли, не позволяя ни единой слезе вырваться наружу. Я не дам ему этого удовольствия. Не увидит моих слез.

Его белоснежные рубашки, которые он с таким фанатизмом стирал особым порошком, я, не раздумывая, выбросила с балкона.

Они беспомощно захлопали на ветру, как большие белые птицы, и упали на заснеженный асфальт. Я ждала, стоя у перил и сжимая холодный металл, пока его фигура не появилась из подъезда.

И тогда я швырнула вниз его драгоценные, сшитые на заказ костюмы. Дорогая шерсть ударилась о мерзлую землю с глухим звуком, который принес мне облегчение.

– Дуууураааа! – его крик, полный неподдельного шока и ярости, донесся снизу. Я смотрела, как он, красный от злости, метается по снегу, собирая свои пожитки и сгребая их в багажник *нашей* машины. Да, нашей. На которой он разъезжал, пока я толкалась в душном метро, потому что «статусному мужчине» положен дорогой автомобиль. Обещание подарить мне машинку на день рождения прозвучало сейчас как особенно злая шутка. На какой именно день рождения, он, видимо, так и не решил.

– Козел! Предатель! Вали к своей любовнице. Я подаю на развод! – я кричала что есть мочи, и мне было плевать на соседей, которые уже толпились на балконах с телефонами. Пусть снимают. Пусть все видят, на что способен этот «идеальный» муж.

– С ума сбрендил! – его ответный крик был полон такой же ненависти. Он погрозил мне кулаком и бросился обратно к подъезду. У меня перехватило дыхание. Сердце ушло в пятки. Он бежал ко мне.

Я рванула с балкона, ноги сами несли меня через огромную гостиную. Я обегала диваны, кресла, врезалась плечом в косяк, но не останавливалась. Адреналин заливал тело жгучей волной. Но квартира была слишком большой. Пока я мчалась по длинному коридору, я слышала, как ключ поворачивается в замке. Я замерла в дверном проеме, увидев его на пороге. Его лицо было багровым, глаза налиты кровью, дыхание сбившимся.

– Лен, ты больная? На всю голову идиотка, да? Ты что творишь? – он шагнул ко мне, и от него исходила такая волна агрессии, что я инстинктивно отпрянула.

– Мне не нужны твои вещи... здесь! – выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Я вскинула подбородок, пытаюсь изобразить уверенность, которой не было. – Ты здесь больше не живешь. Понял?

– Не понял? – он фыркнул, и в его ухмылке было столько презрения, что меня передернуло. – Это моя квартира.

– Она такая же твоя, как и моя! – парировала я, сжимая кулаки.

– Не говори ерунды. Я плачу за нее ипотеку! – его голос взорвался, он тыкал пальцем в свою грудь. – Я! Ты хоть один взнос внесла по кредиту? А? Хоть один?

– Я... – я закусила губу, чувствуя, как подкатывает знакомая, унижительная беспомощность. – Я готовлю тебе еду, плачу за коммуналку! Все продукты на мне, весь дом на мне!

– Не носи чушь, Лен! – он отмахнулся, как от надоедливой мухи. – В твоей галерее платят гроши, которых хватает разве что на проезд. И если я сейчас найму хорошего адвоката, суд примет решение отнюдь не в твою пользу. Ты останешься на улице.

От этих слов по спине пробежал ледяной холод. Но я не сдалась.

– Это мы еще посмотрим, – прошипела я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. – А сейчас – убирайся.

– А знаешь, я передумал, – он с силой, с грохотом захлопнул дверь, отрезая мне путь к отступлению. Он грубо оттолкнул меня плечом и прошел в гостиную, с размаху плюхнулся на диван. – Я голодный и злой. Поэтому, как ты там сказала, ты готовишь для меня еду. Хм... очень интересно посмотреть и попробовать, что же ты там мне наготовила.

– Все уже наготовилось, – холодно бросила я, разворачиваясь к спальне, чтобы продолжить свое дело. – Теперь можешь идти к своей любовнице. Пусть она тебя кормит.

– Давай я сам решу, когда мне идти к Арине, а когда – нет. Хорошо? – его голос, сладкий и ядовитый, преследовал меня.

Я остановилась в дверном проеме, не поворачиваясь. Вопрос, который я боялась задать, сам сорвался с губ, тихий и четкий:

– Так значит, твоя любовница ждет ребенка?

В гостиной воцарилась тишина. Потом он ответил, и в его голосе звучала отвратительная, торжествующая гордость:

– Да. В отличие от тебя, у нее все получилось. Быстро и с первого раза.

Что-то внутри меня оборвалось. Острая, режущая боль. Но тут же, словно щит, поднялось другое чувство – яростное, материнское, защищающее. Я положила руку на еще плоский живот. Мой малыш. Мое сокровище. Он был моим приоритетом, моим светом в этом хаосе. Игорь и его беременная любовница вдруг отодвинулись на второй план, стали просто фоном, неприятным, но не главным.

– Я рада за вас, – сказала я с ледяным спокойствием, входя в спальню. – Совет да любовь.

Я услышала, как он встал с дивана и тяжелыми шагами пошел за мной. Я продолжала сгребать его вещи в мешок, не глядя на него.

– Ты действительно ничего не чувствуешь? – его голос прозвучал прямо за моей спиной. Он стоял очень близко. – Никакой ревности? Никакой боли?

Я медленно обернулась и встретилась с его взглядом. В его глазах я увидела не злость, а... недоумение. Ему нужно было мое страдание. Мои слезы. Мое унижение. А я не давала ему этого.

– Знаешь, Игорь, – сказала я тихо, глядя ему прямо в глаза, – есть кое-что, что я должна тебе сказать.

Он насторожился, его брови поползли вверх. Он ждал истерики, мольбы, чего угодно.

– Говори уже, Лен! Не томи, – устало произнес и закатил глаза. – Что ты опять придумала?

Я сделала маленькую паузу, наслаждаясь моментом, и произнесла с легкой, почти невесомой улыбкой:

– Я ведь тоже беременна. Но твой не сын никогда не узнает о тебе.

Визуализация

Друзья мои хорошие, добро пожаловать в новую историю любви и развода между молодыми супругами.

В этой новогодней истории все будет сложно и неоднозначно, но мы справимся.

И обязательно в конце будет любовь и Хэппи Энд. Но у кого? Пусть это останется пока секретом.

А сейчас, я бы хотела познакомить вас с нашими новыми героями.

Елена Суворова, 30 лет

Игорь Суворов, 35 лет

Арина, помощница Игоря, 27 лет

Добро пожаловать в новую историю.

Поддержите меня звездочками и библиотеками ♥#

3. Поздравляю с сомнительным достижением.

Глаза Игоря расширились до предела. Сначала в них вспыхнуло чистое, животное неверие, затем – короткая вспышка чего-то, что можно было принять за надежду, и, наконец, все это сменилось ледящей душу яростью.

– Что? – его голос был хриплым шепотом. Он шагнул ко мне, сжимая кулаки. – Что ты сказала?

– Ты все слышал, – парировала я, не отступая ни на шаг, хотя все внутри сжалось в комок страха и адреналина. – Твой сын или дочь растут во мне прямо сейчас. Но, в отличие от ребенка твоей любовницы, этот малыш никогда не узнает твоего имени. Для него ты будешь просто генетическим материалом, недостойным звания отца.

– Ты... ты лжешь! – зарычал он, и его лицо исказила такая гримаса ненависти, что я инстинктивно отпрянула. – Это твоя больная, истеричная попытка меня вернуть! Шантаж!

– Шантаж? – я рассмеялась, и смех мой прозвучал резко и ненатурально. – Тебе нечего мне предложить, Игорь. Ты предатель. Ты бросил меня, когда узнал, что твоя пассия носит твоего ребенка. Ты даже не дал мне шанса... – голос мой на мгновение дрогнул, но я с силой выдохнула, заставляя себя быть твердой. – Теперь у тебя будет двое детей от двух разных женщин. Поздравляю с сомнительным достижением.

Он стоял, тяжело дыша, его взгляд бегал по моему лицу, словно он пытался найти в нем признаки лжи.

– Какой срок? – резко выпалил он.

– Это уже не имеет значения.

– Имеет! – он крикнул, снова шагнув ко мне так близко, что я почувствовала его запах – знакомый, родной и теперь такой враждебный. – Если это правда... Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти с моим ребенком? Ребенком, которого мы пытались завести пять лет?! Ты думаешь, я откажусь от своих прав?

Ледяной ужас сковал мне душу. Именно этого я и боялась. Именно поэтому ничего не хотела говорить.

– Ты не имеешь на него никаких прав, – выдохнула я, отступая к окну. – Ты отказался от него, от нас, когда решил уйти к другой!

– Я не отказывался! Я не знал! – его голос сорвался, захрипел. В его глазах бушевала настоящая буря – шок, злость, растерянность и какое-то новое, жадное чувство собственности. – Это меняет все! Все, ты понимаешь?!

– Ничего это не меняет! – закричала я в ответ, чувствуя, как теряю контроль. – Ты уже сделал свой выбор! Ты выбрал ее и ее ребенка! Между нами все кончено!

– Ничего не кончено! – он вдруг рванулся вперед и схватил меня за плечи, встряхнул с такой силой, что у меня зубы щелкнули. Его пальцы впились в меня почти болезненно. – Ты не отнимешь у меня моего ребенка, Лена! Никогда. Я подам в суд! Я заберу его! Я докажу, что ты – невменяемая истеричка, неспособная быть матерью! Посмотрим, кому суд оставит ребенка – благополучному отцу или психически неустойчивой матери, которая швыряется тарелками!

От его слов мне стало физически плохо. В глазах потемнело. Он не блефовал. Он был способен на это.

– Отпусти меня, – прошептала я, пытаюсь вырваться, но его хватка была стальной.

– Нет, – его лицо приблизилось к моему, и в его взгляде я увидела нечто пугающее, почти безумное. – Ты никуда не уйдешь. Ты останешься здесь. И родишь моего ребенка. А потом мы посмотрим.

В этот момент в квартире раздался резкий, настойчивый звонок в дверь. Мы оба вздрогнули, застыв в нашей уродливой схватке.

Игорь медленно, не отпуская меня, повернул голову к входной двери.

– Кто это? – прошипел он.

Я ничего не ответила, сердце бешено колотилось в груди. Звонок повторился, более требовательно.

С проклятием Игорь оттолкнул меня и тяжелыми шагами направился к двери. Я, обессиленная, прислонилась к стене, пытаюсь перевести дыхание.

Игорь рывком распахнул дверь.

На пороге, обвешанные свертками и с сияющими улыбками, стояли его родители – Ольга Борисовна и Виктор Петрович. За их спинами виднелась живая елка, которую они, видимо, привезли с собой.

– С новым годом, наши дорогие! – радостно воскликнула Ольга Борисовна, протягивая вперед огромный торт в прозрачной коробке. – Решили заскочить до праздников, привезти вам гостинцев! И вот еще... мой фирменный Наполеон.

Мир замер.

Адреналин все еще гудел в ушах, слезы подступали к горлу, а на ладонях отпечатались следы от его пальцев. Я видела, как спина Игоря напряглась до каменной твердости.

И тогда случилось чудо.

Мое тело среагировало само, включив режим выживания. Я выпрямилась, смахнула с лица непослушную прядь и осветила комнату сияющей, абсолютно естественной улыбкой.

– Мама! Папа! Какая неожиданная и приятная радость! – голос мой прозвучал тепло и чуть взволнованно, без единой ноты фальши. Я шагнула вперед, мягко отодвинула остолбеневшего Игоря и приняла из рук свекрови торт. – Игорь, чего стоишь? Помоги папе с вещами. Проходите, проходите, раздевайтесь.

Я бросила на мужа быстрый взгляд – не просьба, а приказ. В его глазах читалась паника, но инстинкт самосохранения сработал и у него.

– Да-да, конечно, пап, давай я, – засуетился он, принимая пакеты у отца. Его улыбка была натянутой, как струна.

– Ой, а у вас тут... воздух какой-то тяжелый, – заметила Ольга Борисовна, проходя в гостиную и снимая пальто. Ее взгляд скользнул по моему лицу, потом по лицу сына. Материнское чутье – оно никуда не девается.

– Да я окно только что закрыла, накурили тут соседи снизу, просто беда! – легко солгала я, унося торт на кухню. Руки дрожали, но голос был тверд. – Игорь, дорогой, принеси нашим гостям чаю, пожалуйста. Я как раз собиралась заварить чай.

Игорь замер на пороге кухни. Его взгляд, полный хаоса – злости, растерянности и какого-то животного страха, – впился в меня.

– Да, Лена... конечно, – сквозь зубы выдавил он и, отвернувшись, с грохотом принялся доставать чашки из шкафа.

– А где твои вещи, Игорь? – вдруг спросил Виктор Петрович, оглядывая прихожую. – Я заглянул в шкаф – пусто. Неужели в химчистку сдали перед праздниками?

В воздухе снова повисла напряженная пауза. Я видела, как у Игоря затряслись руки, и он едва не уронил чашку.

– Пап, ты не поверишь! – снова вступила я, выходя из кухни и весело подмигивая свекру. – Решили тут генеральную устроить, раз уж на каникулах. Все вещи в спальне сложены в чехлы, чтобы пыль не садилась. Игорь просто замучил меня своим перфекционизмом!

Ольга Борисовна смотрела на нас обоих с легкой, недоуменной улыбкой. Она что-то чувствовала и я это читала на ее лице.

– Ну что ж, – сказала она мягко, подходя ко мне и беря меня за руки. Ее ладони были теплыми и мягкими. – Главное, что вы вместе, здоровы и... счастливы. Правда, детки?

Ее взгляд вопросительно скользнул от моего лица к лицу сына. В ее глазах была надежда и тихая мольба.

Игорь, бледный, как полотно, кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

А я, глядя в глаза своей свекрови, которая была мне ближе родной матери, снова осветила комнату своей самой блестящей, самой лживой улыбкой.

– Конечно, мама! У нас все просто замечательно.

– Ну да, ну да, я и вижу. А тарелки на полу разбитые, это вы так ремонт делаете?

4. А ты, сынок, как? Счастлив?

– Ну да, ну да, я и вижу. А тарелки на полу разбитые, это вы так ремонт делаете?

Слова Ольги Борисовны повисли в воздухе, острые и неумолимые, как осколки на кафеле. Взгляд ее, теплый секунду назад, стал пристальным и изучающим. Она смотрела не на меня, а на Игоря, словно ждала от него ответа.

Игорь застыл с чайным подносом в руках. По его лицу пробежала судорога. Он был как загнанный зверь, готовый либо к бегству, либо к атаке.

– Мам, это я... – начал он срывающимся голосом, но я его перебила. Я не могла позволить ему сказать что-то несурзное и выставить меня виноватой.

– Это я виновата, мама! – воскликнула я с нарочито-виноватой ужимкой, подходя к све-крови и беря ее под руку. Я повела ее в гостиную, подальше от злополучных осколков. – Пред-ставляешь, доставала сервиз, который ты нам на свадьбу подарила, хотела праздничный стол накрыть... и упустила одну тарелочку. А Игорь так расстроился, прямо как маленький! – я бросила на мужа взгляд, полный мнимого укора. – Он же у нас такой бережливый, хозяйствен-ный. Прямо замер от горя на месте.

Я видела, как Игорь сглотнул.

Он понял мою игру. Либо он ее поддержит, либо выглядит полным тираном, который терроризирует жену за разбитую тарелку.

– Да... – прохрипел он, ставя поднос на стол. Его пальцы сжали край столешницы до белизны костяшек. – Жалко... сервиз-то... мамин подарок.

– Ах, вы, мои глупенькие! – Ольга Борисовна покачала головой, но в ее глазах загорелся огонек. Она обняла меня за плечи. – Тарелки – это ерунда. Главное – не поругались из-за такой мелочи? А то я смотрю, вы оба какие-то... взвинченные.

– Да нет, что ты, мам! – я засмеялась, и этот смех снова прозвучал неестественно звонко. – Мы как раз... планировали тебе кое-что рассказать. Правда, Игорь?

Я посмотрела на него, и в моем взгляде было все: и вызов, и предупреждение, и отчаянная надежда, что он не взорвет эту хрупкую конструкцию лжи. Мы стояли на краю пропасти, и его родители были невольными свидетелями.

Игорь медленно поднял на меня глаза.

В них бушевала война.

Ненависть боролась с расчетом, ярость – с инстинктом сохранить лицо перед родите-лями. Он понимал – мое заявление о беременности, сделанное сейчас, на глазах у его матери, обожающей меня и мечтающей о внуках, станет для него ловушкой. Отступать будет некуда.

– Да, Лена, – наконец выдавил он. Его губы растянулись в подобие улыбки, больше похо-жей на оскал. – Мы как раз собирались... поделиться радостной новостью.

Ольга Борисовна замерла, затаив дыхание. Виктор Петрович отложил газету. Родители мужа смотрели на нас во все глаза.

– Неужели...? – прошептала свекровь, и ее глаза наполнились слезами счастья. Она сжала мои руки. – Детки, вы... ждете ребеночка?

В комнате стало тихо. словно весь мир затаился в ожидании. Я держала паузу, глядя прямо на Игоря, передавая ему право произнести это вслух. Пусть это будет его крест.

Он сделал шаг вперед. Его лицо было маской.

– Да, мама, – сказал он, и его голос прозвучал глухо, как похоронный звон. – Лена бере-менна.

В следующую секунду Ольга Борисовна вскрикнула от восторга, обняла нас обоих, плача и смеясь одновременно. Виктор Петрович хлопал Игоря по плечу, что-то радостно бормоча.

А мы стояли в центре этого ликования – два актера в страшной пьесе. Его рука механически обнимала мои плечи, а моя улыбка была застывшей гримасой. Его пальцы впились мне в плечо, передавая безмолвное послание: «Ты победила этот раунд. Но война еще не окончена».

И когда его мама, сияя, спросила:

– А ты, сынок, как? Счастлив?

Игорь посмотрел прямо на меня, и в его глазах не было ни капли радости. Только холодная, стальная решимость.

– Очень, мама, – прошептал он, сквозь зубы стрельнув в меня глазами. – Теперь у меня есть ради чего жить. И за это я буду бороться зубами и когтями.

Эти слова, прозвучавшие как клятва, повисли в воздухе.

Ольга Борисовна, не замечая подтекста, захлебывалась от счастья, обнимала то меня, то Игоря. Ее пальцы дрожали, прикасаясь к моему лицу.

– Внучок! А может быть внучка! Наконец-то! Я так молилась! – ее голос срывался на шепот. Виктор Петрович, обычно сдержанный, смахнул скупую мужскую слезу и потянулся к своему портмоне. – Подождите, я сейчас, я хочу дать денег на первое приданое.

И вот, в самый разгар этой липкой, театральной радости, Виктор Петрович полез не в портмоне, а в один из принесенных пакетов. Его лицо было озадаченным.

– Кстати, о вещах... – Он достал из пакета идеально выглаженную, ослепительно белую рубашку. Та самая, которую я выбросила с балкона. Она была грязной и мятой, на воротнике явно проступило мокрое пятно от талого снега. – Лежала на земле, прямо у твоей машины. Подобрал, думал, ты обронил. – Игорь, это твоё?

5. Разбирайся со своими проблемами сам

Игорь Суворов

Воздух в гостиной сгустился до состояния желе. Даже часы, подаренные нам на свадьбу, будто застыли, отказываясь отсчитывать секунды этого кошмара. Я чувствовал, как мои пальцы сами сжимаются на плече Лены, впиваясь в тонкую ткань ее блузки. Мне хотелось встряхнуть ее, закричать, но я лишь сжал сильнее, ощущая под пальцами ее хрупкие кости.

А потом мать протянула ту самую проклятую рубашку. Белая, дорогая, сшитая на заказ – а теперь грязная, помятая, униженная, как и я в этот момент. Ее тихий, прерывистый вопрос прозвучал как удар хлыста:

— На... земле? У машины? Ты правда ее обронил, Игорь? Ответь уже матери.

В горле встал ком. Лена пыталась что-то лепетать, но ее голос дрожал. И тут во мне что-то сорвалось. Словно плотина, которую я годами возводил, рухнула в одночасье.

— Это я, – прорычал я, и собственный голос показался мне чужим, хриплым от сдавленной ярости.

Я отодвинулся от жены, сбросил с себя притворную маску примерного мужа. Хватит. С меня довольно этой лжи.

— Это я выбросил её, – каждое слово обжигало губы, падая в гробовой тишине комнаты. – Потому что она мне опостылела. Как и всё в этом доме. Как и эта... эта удушающая рутина.

Я видел, как лицо матери побелело. Как ее глаза наполнились слезами не радости, а жгучего стыда и боли. Но я не мог остановиться. Годы накопленного раздражения, усталости, отчаяния прорвались наружу.

— Я говорю, что это всё – гребанный спектакль! – мой голос взорвался, сметая последние остатки приличий. – Всё это ложь! Мы только что выясняли отношения! Она... – я с силой ткнул пальцем в сторону Лены, – швыряла мои вещи с балкона! А я... я просто хотел уйти. Подумать! Побывать одному!

— Побывать одному?! – истеричный визг Лены врезался в сознание. – Ты что, издеваешься?!

А потом вмешался отец. Его спокойный, но тяжелый голос прорезал эту истерику:

— Я что-то не понял, так вы беременны или нет?

И тут я совершил роковую ошибку. Вместо того чтобы соврать, чтобы выиграть время, я выпалил правду – уродливую, беспощадную.

— Мы беременны и кажется... разводимся.

Тишина, которая воцарилась после этих слов, была страшнее любого крика. Отец опустил рубашку, и его лицо стало серым, постаревшим за секунду. Мать смотрела на меня, не в силах вымолвить ни слова. А потом ее взгляд, полный немого вопроса и страдания, медленно пополз к Лене.

И в этот миг я понял всю глубину своего падения. Я стоял в центре комнаты, окруженный обломками собственной жизни, и чувствовал себя величайшим подлецом. Но внутри, сквозь стыд и отчаяние, пробивалось другое чувство – горькое, пьянящее облегчение. Наконец-то прозвучала правда. Уродливая, но правда. И теперь нам всем придется иметь дело с последствиями.

— Леночка... Это... правда?

Жена кивнула и я увидел как по ее лицу потекли беззвучные слезы. Не те истеричные рыдания, что были раньше, а тихие, горькие, от которых стало вдруг мучительно стыдно. Она смотрела на меня, и в ее взгляде не было уже ни злости, ни ненависти. Одна лишь пустота. И боль. Та самая боль, которую я сам и причинил.

— Леночка, иди сюда, родная моя... – мама, опомнившись, подошла к ней, обняла за плечи и повела на кухню, бросив на меня взгляд, полный немого укора.

Она говорила с ней так нежно, так бережно, словно Лена была ее дочерью, а я – чужаком, пришедшим всё разрушить.

Дверь на кухню прикрылась, и мы остались с отцом один на один. Гостиная, еще недавно наполненная притворным весельем, стала похожа на зал суда.

– Ну что ж, – отец тяжело опустился в кресло, его пальцы с силой сжали подлокотники. – Говори сын. Без этих шуток и спектаклей. Говори прямо. Что, черт возьми, тут происходит?

Я чувствовал себя мальчишкой, пойманным на воровстве. В горле стоял ком. Внутри всё кричало от ярости – на Лену, на себя, на эту дурацкую ситуацию. Но нужно было говорить.

– Она меня достала, пап! – вырвалось у меня, и голос прозвучал сдавленно. – Пони-маешь? Вот здесь уже это сидит! – показал ребром ладони на шею. – Вечные упреки, слезы. «Ты мало мне уделяешь внимания. Ты не так посмотрел. Ты опять на работе задерживаешься! Опять ты хочешь секса? Ты весь помешан на нем, сколько можно? Я вздохнуть не могу, извращенец!» – я старался передать слова Ленки, подражая её интонации. – Я задышался!

– И это повод для развода, Игорь? И для... для того, чтобы завести любовницу? – отец не повышал голоса, но каждое его слово било точно в цель.

– Какая любовница?! – взорвался я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. – Я не говорил про любовницу! Я сказал, что хочу побыть один! Чтобы подумать! А она сразу – «Арина!». Сразу истерика, тарелки, вещи за борт! Я пришел, чтобы спокойно поговорить, а она устроила тут цирк!

– Спокойно поговорить о разводе за несколько дней до Нового года? – отец поднял на меня глаза, и в них читалась усталость. – Это по-твоему правильный подход, сынок? Ты, умный мужчина, и не мог выбрать время? Подойти иначе?

– А какое еще время?! – я заходил по гостиной, сжимая и разжимая кулаки. Адреналин все еще бушевал в крови. – Она вечно на нервах! Вечно недовольна! Я устал, пап! Я устал от этой вечной гонки, от этих вечных претензий. Я обеспечиваю семью, папу как вол, а возвращаюсь в дом, где меня встречают слезами и скандалами. И хоть бы раз был горячий ужин на плите, поцелуй и нормальный секс вечером? Хоть бы раз!

– А ты не думал, ПОЧЕМУ она на нервах? – голос отца прозвучал резко. – Вы пять лет пытались завести ребенка! Два выкидыша, пах! Два! Ты представляешь, что она пережила? А ты, я смотрю, представляешь с трудом. Ты думал, она сама с этим справится? Ей нужна твоя поддержка, а не твое раздражение?

От его слов мне стало жарко.

Я отворачивался, смотрел в окно на падающий снег, лишь бы не встречаться с его взглядом.

– Я поддерживал ее! – пробормотал я. – Водил по врачам, платил...

– Деньгами? – перебил отец. – Ты думаешь, дело в деньгах? Ей нужен был ты, дурак. Твое плечо. Твое понимание. А ты, видимо, решил, что раз не получается с ребенком, то и жена стала не нужна. Нашел себе молоденькую и беззаботную, да?

– Да нет у меня никого! – закричал я, уже почти теряя контроль. – Ну вот же блин! Я соврал про Арину, чтобы ее задеть, понятно?! Чтобы она вдруг представила, кого может потерять! Она сама меня к этому довела!

В этот момент с кухни донесся приглушенный, разбитый голос Лены:

– Он лжет, папа... У него любовница беременная... Он сам сказал...

Тишина, последовавшая за этими словами, была страшнее любого крика. Отец медленно поднялся с кресла. Он подошел ко мне вплотную. Его дыхание было тяжелым.

– Так, – прошипел он. – Значит, ты не только трус, который не может честно поговорить с женой. Ты еще и лжец. И предатель. Ты завел ребенка на стороне, пока твоя жена переживала потерю ваших общих детей. И теперь ты здесь пытаешься выставить себя жертвой?

– Отец послушай сюда.

Он покачал головой, и в его глазах я увидел то, чего боялся больше всего – не злость, а горькое, беспросветное разочарование.

– Знаешь, сынок, – тихо сказал он, – я всегда учил тебя быть ответственным. Отвечать за свои слова. За свои поступки. За тех, кого ты приручил. А ты... ты просто решил сбежать. Как мальчишка. Причем сбежать, натворив дел и нагнав туману.

Он отвернулся и пошел к выходу из гостиной, бросив на прощание:

– Разбирайся со своими проблемами сам. Но запомни: твоя мать и я – на стороне Лены. Она сейчас в тысячу раз больше заслуживает нашей поддержки, чем ты. Она борется за свою семью. А ты... ты просто уничтожил ее.

6. Наслаждайся своей победой...

– Она борется за свою семью. А ты... ты просто уничтожил ее.

Слова свекра, такие тихие и такие тяжелые, повисли в воздухе, вдавив меня в пол. Я видела, как Игорь пошатнулся, будто от физического удара. Его самоуверенность, его праведный гнев – все разбилось о каменное осуждение в глазах его же отца. И странное, горькое, совсем не благородное чувство удовлетворения шевельнулось во мне.

Да, пусть видит. Пусть поймет, что он не жертва в этой истории, которую так упорно разыгрывал.

– Отец... – его голос прозвучал недовольно.

Но Виктор Петрович лишь молча махнул рукой. Этот жест был страшнее любой ругани. Он был знаком полного отречения.

Ольга Борисовна вышла с кухни, ее лицо было испещрено слезами. Она подошла ко мне, обняла за плечи, и ее теплое, знакомое прикосновение едва не разбило ту ледяную скорлупу, в которую я заключила себя.

– Ты держись, дочка. Мы с тобой, – прошептала она мне в ухо, и ее голос дрожал. – Позвони, если что-то нужно будет. В любое время.

Она поцеловала меня в щеку, влажную от ее же слез, и бросила на Игоря взгляд, полный такой муки и стыда, что мне стало почти жаль его.

Почти.

Потом они ушли. Дверь тихо, но решительно закрылась. Этот звук показался громче всех сегодняшних звуков.

Мы остались одни.

В нашей когда-то любимой, а теперь чужой и оглохшей квартире. Воздух был густым и горьким – смесь недопитого чая, разбитых тарелок, надежд и несбывшегося счастья. Я смотрела на осколки тарелки на кафеле. Та самая, из маминого сервиза. Теперь это был идеальный символ нашей жизни – красивая, дорогая вещь, разбитая вдребезги в одно мгновение.

– Довольна? – его шипение разрезало тишину, как нож. Он стоял, сжав кулаки, и все его тело было одним сплошным напряженным мускулом. – Ты добила своего. Мои же родители... Они теперь думают, что я последнее ничтожество.

Я медленно перевела на него взгляд. Во мне не осталось сил на истерики. Не осталось даже сил на крик. Вся ярость выгорела, оставив после себя только тяжелый, холодный пепел. Я чувствовала себя пустой. Выпотрошенной.

– А разве нет? – мой голос прозвучал тихо и ровно, без единой дрожи. Я сама удивилась его ледяному спокойствию. – Ты предал меня. Предал нашего нерожденного ребенка. Да, Игорь. Ты – ничтожество. И теперь, наконец, все это видят.

Он не выдержал моего взгляда. Отвел глаза, сжав губы. Я видела, как по его лицу пробежала судорога – смесь стыда и злобы. Ему нужно было бежать. От меня. От правды. От самого себя.

– Ладно. Хорошо. Я ухожу.

Он резко развернулся и направился в прихожую. Я не двигалась, слушая, как он с силой натягивает куртку. Он не взял ничего. Ни вещей, которые я с таким остервенением собирала в мешки, ни документов. Он просто уходил. От меня. От своего ребенка. От нас.

Я заставила свои ватные ноги сдвинуться с места и последовала за ним, остановившись в проеме.

– Ключи, – сказала я все тем же безжизненным тоном. Мне было все равно, что он подумает.

Он с силой швырнул связку на пол. Звук металла о кафель отозвался во мне коротким, острым спазмом. Еще один звонкий, финальный аккорд.

– Наслаждайся своей победой. И своей ипотекой в одиночку.

Он дернул дверь и вышел, не оглянувшись. Дверь захлопнулась с таким оглушительным грохотом, что задрожали не только стены – затряслось что-то внутри меня, в самой глубине.

Я зажмурилась, вжимаясь в косяк, и слушала, как его шаги, быстрые и неровные, затихают внизу по лестнице. Потом... наступила тишина.

Та самая, звенящая, давящая тишина, которую я всегда ненавидела. Она обрушилась на меня всей своей тяжестью, и мои ноги наконец подкосились. Я медленно сползла по косяку на холодный пол в прихожей, обхватив колени. Тело не слушалось, было ватным и чужим. В голове звенело.

Я сделала это.

Я выгнала его.

Мужа, с которым делила жизнь, планы, боль потерь. Теперь я была одна. Совершенно одна. С крошечным, неведомым существом под сердцем, с грудой битого стекла вместо жизни и с чудовищной ипотекой, которую мне одной никогда не потянуть.

Паника подползла к горлу холодным, липким комом, сжимая его, не давая дышать. Темнота затягивала края зрения.

– Нет, – прошептала я сама себе, впиваясь ногтями в ладони. Острая боль ненадолго вернула меня в реальность. – Дыши. Просто дыши. Ты должна справиться. Ради него. Ради малыша.

И тут мой взгляд, блуждающий по прихожей в поисках точки опоры, наткнулся на темный прямоугольник на тумбе у зеркала. Телефон Игоря.

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось с новой, лихорадочной силой. Он забыл его. В пылу ссоры, в своем позорном бегстве, он оставил его. Этот черный, холодный кусок стекла и пластика вдруг стал самым важным объектом во всей вселенной.

Я поднялась, подошла и взяла его в руки.

Он был холодным, как последний взгляд его хозяина. Экран, как черное зеркало, отражало мое искаженное лицо – бледное, с синяками под глазами, с пересохшими губами. Этот телефон был ключом. К его лжи. К его тайнам. К той самой Арине, которая теперь навсегда вписалась кровавыми буквами в историю моей жизни.

Внутри все сжалось в тугую, болезненный комок. Страх и отчаянная надежда странным образом переплелись во мне. Я боялась этой правды. Но я жаждала ее, как жаждут яда, чтобы положить конец мучительной неопределенности.

Пусть будет больно.

Пусть будет невыносимо.

Но это будет правда. Моя правда, которую он больше не сможет у меня отнять.

Дрожащим пальцем я нажала на боковую кнопку. Экран вспыхнул, потребовав пароль или отпечаток.

И тут я вспомнила.

Года два назад, он, смеясь, после пары бокалов вина, внес мой отпечаток в свой телефон.

– На всякий случай, если мне ампутируют палец, а тебе нужно будет срочно кому-то позвонить, – сказал он тогда, целуя меня в шею.

Ирония судьбы была настолько горькой, что я чуть не рассмеялась. Почти механически, с затаенным дыханием, я приложила большой палец к сканеру.

Раздался тихий, щебечущий щелчок. Экран ожил, открывшись мне.

И я заглянула прямоком в цифровое сердце человека, который только что разбил мое. Сейчас.

Сейчас я все узнаю.

7. Добро пожаловать в ад...

Первое, что я увидела, – открытый мессенджер. Последние диалоги. Сердце замерло, ожидая увидеть ее имя – «Арина».

Меня будто ударило током. Все внутренности сжались в один ледяной ком.

«Ариша-красавица»...

Он никогда не сохранял мой номер под ласковым именем. Говорил, это непрофессионально.

Я жадно ткнула пальцем в иконку, и мир сузился до яркого экрана.

Переписка. Сначала – сухая, рабочая. Но чем дальше я листала, тем сильнее пальцы цепели, сжимая телефон.

«Игорь, документы по тендеру готовы, жду вашей проверки».

«Отправьте копию в бухгалтерию».

А потом, недели две назад:

Арина: «Босс, я сегодня на совещании чуть не заснула. Спасаясь только мыслями о пятнице... и не только о ней.»

Игорь: А о чем еще?

Арина: Обед в том милом итальянском месте была волшебным. Надеюсь, это станет нашей традицией.

Игорь: У традиций должно быть начало.

Меня затошнило. «Милое итальянское место»... А я в тот день варила ему его любимый борщ, думая, что он задерживается на работе. Я листала дальше, и каждый новый экран был ударом ножа.

Арина: Скучаю. В офисе без тебя пусто.

Игорь: Держись. Скоро увидимся.

И самое страшное, от которого кровь застыла в жилах, отправленное вчера вечером:

Арина: Я сегодня у врача была. Все хорошо, малыш растет. Не могу дождаться, когда уже все узнают.

Сообщение, которое он прочитал и не ответил. Потому что в это время он шел домой, чтобы объявить мне о разводе.

Слезы застилали глаза, но я с яростью их смахивала. Нет, ты не заплачешь. Ты должна все видеть. Я переключилась на галерею.

И попала в ад.

Не в официальные фото с корпоратива, а в скрытую папку, которую он, видимо, забыл удалить. Пароль от нее был датой нашего первого свидания.

И вот они.

Фотографии. Не постановочные, а живые, снятые кем-то из коллег.

Вот они танцуют. Не просто стоят рядом, а танцуют близко, слишком близко. Его рука лежит у нее на талии, ее пальцы выются в его волосах на затылке. Она прижалась к нему щекой, глаза закрыты, на губах – блаженная, пьяная улыбка. А он... он смотрит в камеру, по сторонам, на нее. И в его взгляде – не натянутая вежливость, а теплое, уставшее внимание. То самое, которого он лишил меня в последние месяцы.

Следующее фото.

Они сидят за столом, тесно прижавшись друг к другу. Он что-то шепчет ей на ухо, и она залихватисто смеется, запрокинув голову. Его рука лежит на спинке её стула, касаясь пальцами обнаженной кожи на её спине.

Я издала звук, нечто среднее между стоном и рычанием. Это было хуже, чем я могла представить. Хуже любой фантазии. Это была правда, запечатленная в пикселях. Он не просто

изменял. Он был с ней другим человеком – расслабленным, нежным, живым. Тем человеком, которым когда-то был со мной.

Отчаяние, черное и липкое, подступило к горлу, грозя поглотить с головой. Что, если это не ложь? Что, если это чистая, ужасающая правда? И тогда он не просто предатель. Он – дьявол, который пришел в наш дом, чтобы хладнокровно уничтожить все, что у нас было, ради нее и ее... их ребенка.

Я швырнула телефон, будто он был раскаленным углем. Меня била крупная дрожь. Я подняла глаза и обвела взглядом нашу гостиную. Этот уют, эти стены, которые помнили наш смех и мечты... Все это было гигантской, дорогой декорацией. Нашей крепостью, которая в одночасье стала клеткой, полной ядовитых воспоминаний.

И тут мысль, холодная и безжалостная, пронзила сознание, как луч лазера.

А что, если это его идеальный план?

Вывести меня из равновесия.

Довести до публичного скандала. Получить в свидетели соседей и собственных родителей, заставших меня в состоянии «истерички», бьющей посуду и выбрасывающей вещи. А потом... потом вернуться с адвокатами, с этими фото и переписками как доказательством моей неадекватности, и отсудить все. Квартиру. А потом, глядишь, и ребенка. Ведь кто оставит малыша психически неустойчивой матери, которая устраивает погромы?

Он хочет оставить меня на улице. Беременную.

Оставить без дома, без средств, с клеймом «невменяемой». Чтобы его новая, идеальная семья – он, Арина и их желанный малыш – могли спокойно жить в стенах, которые строили мы.

Ледяная ярость, медленная и целенаправленная, стала вытеснять панику и боль. Она разливалась по венам, выжигая слезы, возвращая телу стальную твердость, а мыслям – хрустальную, беспощадную ясность. Эта ярость была моим щитом. Моим оружием.

Нет, милый. Так не пойдет.

Я подняла телефон с пола. Теперь это был не источник боли, а трофей. Оружие в моих руках. Я с холодной жесткостью сделала скриншоты. Все. Флиртующие переписки. Фото с их танцем. Фото, где его рука на ее спине. Я сохранила все в нескольких облачных хранилищах, придумав сложные пароли.

Потом я открыла диктофон. И начала говорить. Тихо, четко, отчеканивая каждое слово, как гвоздь в крышку его грена.

– Сегодня, двадцать пятое декабря... Мой муж, Игорь, объявил о разводе. Он подтвердил, что у него роман с его помощницей Ариной Ш., и что она беременна от него. Угрожал оставить меня без жилья... При свидетелях, своих родителях, оскорблял и унижал... У меня есть доказательства их близких отношений...

Голос не дрожал.

Я отправила все файлы себе и тщательно удалила все следы своего присутствия в его телефоне. Пусть думает, что просто забыл его. Пусть не знает, что оставил мне ключ к своему же поражению.

Завтра – к лучшему адвокату. А потом... потом я начну свою войну. Войну за наше будущее.

Положила руку на живот.

– Не бойся, малыш, – прошептала я, и в голосе впервые зазвучала нежность, смешанная с стальной решимостью. – Он не получит нас. Ни тебя, ни наш дом. Ничего. Он ошибочно принял мою боль за слабость. Теперь он увидит, на что способна женщина, у которой отняли все.

8. Лена умная... Хитрая.

Игорь Суворов

Дверь машины захлопнулась так громко, что голова тут же взорвалась болью. Я рванул с места, словно за мной гнались. Не глядя в зеркала, чуть не задел соседний автомобиль.

«Рейв-отель», – гласила неоновая вывеска. Я даже не обратил внимания. Главное – убраться подальше от этого дома. От нее. От удушья.

Номер встретил меня унылым полумраком и едким коктейлем из запахов – табачная вонь, прикрытая удушающим дезодорантом, и пыль, поднятая с протертого до дыр ковра.

Я плюхнулся в колченогое кресло, и пружина жалобно взвизгнула. Обхватил голову руками, ощущая, как пальцы впиваются в кожу. В ушах стоял оглушительный гул – эхо моего собственного хриплого крика, звенящая тишина после хлопка двери и ее голос, холодный и плоский, как лезвие: «Ты – ничтожество».

Черт.

Черт возьми!

Все пошло наперекосяк с самого начала. Я хотел... что я вообще хотел? Встряхнуть ее? Вытащить из этого болота вечных обид и молчаливых упреков? Показать ей, до чего мы дока- тились – два чужих человека, живущих под одной крышей, изматывающих друг друга?

Я думал, шоковая терапия, удар ниже пояса заставит ее очнуться, наконец, увидеть не только свою боль, но и мою. А вместо этого... вместо этого я собственными руками поджег фитиль к бочке с порохом, на которой мы сидели все эти годы. И теперь от нашего общего прошлого остались одни щепки.

Перед глазами встало лицо отца.

Не злое, не яростное – серое, постаревшее за один вечер.

– Ты просто уничтожил ее.

И мать...

Боже, мама. В ее взгляде был не просто укор. Там был стыд. Горячий, жгучий стыд за собственного сына, за того мальчика, которого она растила честным и сильным. А я оказался подлецом.

Чувство вины, острое и тошнотворное, подкатило к горлу, сжимая его тисками. Я вскочил, зашагал по комнате, чувствуя, как липкий ковер прилипает к подошвам. На мини-баре стояла миниатюрная бутылка виски. Я схватил ее, открутил пробку, но запах паленого спирта ударил в нос, вызвав рвотный спазм.

Я швырнул бутылку в мусорную корзину. Я был пьян и без алкоголя – пьян от собственной ярости, бессилия и осознания всей глубины собственного падения.

И тут, как обухом по голове – провал в кармане джинсов.

Пустота.

Мой телефон.

Память, как киноплёнка, отмотала назад. Прихожая. Тумба. Я, разъяренный, сунул руку в карман, нащупал ключи, чтобы швырнуть их ей под ноги... и оставил его. Оставил телефон в котором была заключена вся моя жизнь!

– Вот же я, конченный идиот! – процедил сквозь зубы, снова принимаясь метаться по комнате. – Беспросветный, кретин!

Внутри все перевернулось и стало жарко.

Телефон.

В нем же... в нем же ВСЕ.

Весь этот дурацкий, придуманный мной бред про Арину, который Ленка, судя по ее реакции, и так уже готова была принять на веру. Но это цветочки. Там были рабочие переписки, черновые расчеты по ипотеке, контакты адвоката, с которым я пару раз советовался по поводу инвестиций... Все, что она теперь может выдернуть из контекста, перекрутить и вывернуть против меня. Как козырь в предстоящей войне.

А если она уже полезла в него?

Лена умная. Хитрая. Она найдет способ. Я ведь... я ведь года два назад, после пары бокалов вина, смеясь, внес ее отпечаток в сканер.

– На всякий случай, если мне ампутируют палец, а тебе нужно будет срочно кому-то позвонить, – сказал я тогда, целуя ее в шею.

Какая же это, блять, смертельная ирония!

Мысль о том, что она сейчас там, одна, в нашей опустевшей квартире, листает мои сообщения, выискивая подтверждения своим самым темным подозрениям...

Эта картина сводила меня с ума.

Я представил, как ее пальцы скользят по холодному стеклу экрана, как в ее глазах, еще недавно полных слез, закипает ненависть и холодное торжество, и меня затрясло мелкой, неконтролируемой дрожью.

Так больше не могло продолжаться.

Не могло!

Я не мог сидеть в этой вонючей ночлежке, пока она там роется в моей жизни, готовя мне казнь.

Я рванул к двери, вылетел в коридор и почти бегом помчался к лифту, яростно тыкая кнопку вызова.

Ночь, промозглая, пронизывающая до костей, встретила меня ледяным дыханием. Моя машина все так же стояла у подъезда, на том самом месте, где я бросил ее час назад. Я влетел в салон, с силой захлопнул дверь и резко тронул с места, даже не пристегнувшись.

Город проносился за окном, размытый в следах недавнего дождя. Каждый красный свет, каждый поворот казались изощренной пыткой. Я лихорадочно представлял, что она делает сейчас.

Вызвала слесарей и уже меняет замки?

Добывает остатки моего хрусталя?

Или, что было хуже всего, просто сидит в полной темноте, на том самом холодном полу в прихожей, и беззвучно плачет, сломленная окончательно?

От этой мысли по телу разливался ледяной ужас и неверие.

Вот он, наш дом.

Окно спальни – темное. Гостиная – тоже. Может, спит? Или просто выключила свет, слившись с тьмой?

Я влетел в подъезд, не в силах ждать лифт, и взбежал по лестнице, перескакивая через ступеньки по две, почти не чувствуя ног.

Сердце колотилось где-то в горле, перехватывая дыхание.

Вот она. Наша дверь. Та самая, которую я с такой силой захлопнул несколько часов назад.

Я замер перед ней, опираясь ладонями о косяк, пытаюсь отдышаться. Рука сама потянулась к карману за ключами... и повисла в воздухе.

Ключей нет. Я отдал их ей. Своей жене. С которой только что разругался вусмерть, назвав ее истеричкой, обвинив во всех смертных грехах.

Сука! Придурок блять!

Осталось только одно.

Я сжал кулак и с размаху, со всей накопленной за ночь яростью и отчаянием, ударил по дверному полотну. Глухой, громкий стук, похожий на выстрел, разнесся по спящему этажу.

– Лена! – хрипло, почти беззвучно крикнул я, припав лбом к прохладной поверхности двери. – Лена, открой! Это я! Открой дверь... Я забыл телефон.

9. Я не хотел этого. Всего этого.

Сердце выпрыгнуло из груди и замерло в горле, когда оглушительный удар ворвался в звенящую тишину квартиры. Это был не звонок. Это был удар кулаком. Глухой, яростный, от которого содрогнулась сама дверь.

– Лена! Открой! Это я!

Его голос, хриплый и срывающийся, прозвучал прямо за тонким полотном двери. Я инстинктивно отпрянула вглубь прихожей, прижимая к груди его телефон. Холодный пот выступил на спине. Он вернулся. Так скоро. Значит, я была права. Он понял, что оставил улики.

– Открой дверь... Я забыл телефон, – донеслось снова, и в его голосе сквозь злость пробивалось что-то еще – отчаянная, животная усталость.

«Не открывай, – закричал внутри голос разума. – Он пришел за телефоном. Чтобы уничтожить доказательства. Не будь душой!»

Но ноги сами понесли меня к двери.

Рука, предательски дрожа, потянулась к замку. Я увидела свое отражение в темном стекле фото на стене – испуганное, изможденное лицо с лихорадочным блеском в глазах. Какая-то часть меня все еще не могла поверить, что это происходит наяву. Что он, Игорь, стоит за дверью и бьет в нее кулаком, как сумасшедший.

Я медленно, почти не дыша, повернула ключ. Щелчок прозвучал оглушительно громко в тишине.

Дверь отъехала на сантиметр, цепляясь за цепочку. В щели я увидела его. Он стоял, опершись ладонями о косяки, голова была опущена. Он был без куртки, в одном растянутом свитере, и вся его осанка кричала о полном, абсолютном истощении. От него пахло холодом и... отчаянием.

– Чего тебе, Игорь? – прошептала я, не выпуская цепочку из руки. – Решил добить?

Он медленно поднял на меня взгляд. И я отшатнулась. В его глазах не было ни ярости, ни ненависти, которые я ожидала увидеть. Они были пустыми. Как два выгоревших угля. И в них стояла такая бездонная боль, что мое сердце, против моей воли, сжалось.

– Телефон, – хрипло сказал он, не отводя взгляда. – Я... забыл.

– Знаю, что забыл, – голос мой дрогнул. – Боишься, что я там что-то найду? Найду подтверждение, что ты – лжец и подлец?

Он не ответил.

Просто продолжал смотреть на меня этим невыносимым взглядом. Потом его плечи сгорбились еще сильнее.

– Лен... открой, а... – он произнес мое имя так тихо, что я едва расслышала. И в этом одном слове было столько муки, что цепочка в моей руке вдруг показалась глупой и ненужной преградой.

Что-то во мне дрогнуло.

Сломалась та самая ледяная скорлупа, которую я с таким трудом выстраивала все эти часы. Передо мной стоял не монстр. Не расчетливый враг. А сломленный, загнанный в угол мужчина. Мой муж. Человек, с которым я делила свою жизнь.

Я, все еще не веря себе, толкнула дверь сильнее, снимая цепочку с зацепа. Она со скрипом отъехала, открывая ему проход.

– Заходи, – сказала я, отступая вглубь прихожей. – И закрой за собой.

Он переступил порог медленно, почти нерешительно, и щелчок замка прозвучал как приговор. Мы стояли друг напротив друга в тесной прихожей, среди разбросанных его вещей, в густом, тяжелом запахе несчастья.

Он протянул руку, не глядя на меня.

– Дай мне телефон.

Я замерла, сжимая его в ладони. Телефон был теплым от моего тела.

Внутри бушевала война.

Отдать? Дать ему возможность все стереть? Или оставить, как козырь, как доказательство его лжи?

– Лена, пожалуйста, – его голос сорвался на шепот. – Отдай.

И в этот момент я увидела, как его взгляд упал на осколки тарелок на полу в гостиной. На то место, где все и началось. Его лицо исказилось гримасой такой искренней, неподдельной боли, что у меня перехватило дыхание.

– Я не... – он начал и замолчал, сглотнув. – Я не хотел этого. Всего этого.

И тогда я поняла.

Поняла, что этот кусок пластика в руках и стекла сейчас важнее любых доказательств. Он был символом. И если я его не отдам, это будет означать, что война объявлена. Окончательно и бесповоротно.

Я медленно, будто во сне, протянула руку и положила телефон ему на ладонь. Его пальцы сомкнулись вокруг него, костяшки побелели.

Он не уходил.

Он просто стоял, опустив голову, держа в руке свою «жизнь», которую так отчаянно пытался вернуть.

– Игорь... – имя само сорвалось с моих губ. – Это правда? Про Арину? Про... ребенка?

Он поднял на меня глаза, и в них было столько мути, столько отчаяния, что я почувствовала головокружение.

– Я не знаю, – прошептал он, и это прозвучало страшнее любого «да» или «нет». – Я не знаю, что правда, а что уже нет.

И в этой фразе рухнули все мои защитные стены. Потому что это была не ложь. Это была исповедь. Исповедь человека, который заблудился в собственном вранье и уже не видел из него выхода.

– Одно могу сказать, я с ней не спал.

10. Ты беременна от моего мужа?

– *Одно могу сказать, я с ней не спал.*

Эти слова повисли в воздухе, густые и тягучие, как смола. Он не сказал «это неправда». Он не сказал «у нее нет ребенка». Он сказал только это – «я с ней не спал». И в этой полуправде, в этом уклончивом ответе была вся его сущность сейчас – запутавшаяся, трусливая, не способная на чистосердечие даже в самый отчаянный момент.

Он стоял, все так же сжимая телефон, его взгляд был прикован к осколкам на полу, будто он видел в них наше общее прошлое.

– Мне... мне нужно идти, – пробормотал он, не глядя на меня.

Я не стала его останавливать. Во мне не осталось ни сил, ни слов. Я просто молча наблюдала, как он разворачивается и снова уходит. Дверь закрылась на этот раз тихо, почти бесшумно. Но этот тихий щелчок прозвучал в моей душе громче, чем любой хлопок.

Ночь я провела в странном, полусонном состоянии, между вспышками ярости и полной апатии. Его фраза «я с ней не спал» крутилась в голове, как заевшая пластинка. Что это значило? Что он влюблен, ухаживает, но «сохраняет честь»? Забавно. Но Арина же ждет ребенка? Или не ждет? Или это была жалкая попытка смягчить удар?

К утру хаос в голове улегся, сменившись холодной, стальной решимостью. Я не могла больше жить в этой неопределенности. Я не могла строить защиту, не зная, от кого и от чего я защищаюсь. Мне нужны были факты. Прямые, недвусмысленные.

И я знала, где их взять.

Офис Игоря был знакомым местом. Стеклянная высотка, блестящий холл, пахнущий дорогим кофе и деньгами. Когда-то я приходила сюда с радостью – забежать к нему на обед, украсть его на пятничный ужин. Теперь же каждый шаг по скользкому полированному полу давался с трудом. Сердце колотилось где-то в горле.

Я знала, где сидит Арина. Приемная Игоря Суворова. Открытое пространство с панорамными окнами. Я прошла мимо, делая вид, что ищу кого-то, и сразу увидела ее. Она сидела за своим столом, уткнувшись в монитор, и что-то оживленно обсуждала с коллегой. Та самая блондинка с корпоративных фото. Высокая, ухоженная, в элегантном блейзере. И правда, очень красивая.

Сердце упало куда-то в каблуки. Но я не позволила себе дрогнуть. Я сделала глубокий вдох и направилась прямо к ней.

– Арина? – мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

Она подняла на меня глаза. Сначала в них мелькнуло обычное рабочее любопытство, потом – узнавание, и, наконец, – холодная, отточенная настороженность. Она узнала меня сразу.

– Лена? – она откинулась на спинку кресла, оценивающе оглядев меня с ног до головы. Ее взгляд скользнул по моим простым джинсам и свитеру, и в уголках ее губ заплескала едва заметная насмешка. – Какими судьбами?

– Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Она медленно, словно делая мне одолжение, поднялась.

– Конечно. Пойдем в переговорку.

Мы вошли в небольшой стеклянный кабинет. Она прикрыла дверь, но не полностью, оставив щель – демонстрация того, что ей нечего скрывать. Или наоборот, что она контролирует ситуацию.

– Ну? – она скрестила руки на груди, ожидаясь глядя на меня. – Говорите. У меня много работы.

Вся моя заготовленная речь куда-то испарилась. Глядя в ее уверенные, чуть презрительные глаза, я поняла, что полумеры здесь не работают.

– Ты беременна от моего мужа? – выпалила я прямо, глядя ей в лицо, пытаюсь уловить любую реакцию.

И я ее поймала.

В ее глазах не было ни шока, ни отрицания. Только вспышка злорадного, торжествующего огня. Она даже не стала притворяться.

– А что, Игорек еще не признался? – она сладко улыбнулась, и ее голос стал ядовито-сладким. – Да, дорогая. Жду ребенка. Уже третий месяц.

От ее слов у меня перехватило дыхание, будто меня ударили в солнечное сплетение. Все, что он говорил, все его оправдания – оказалось правдой. Самой ужасной правдой.

– Он... он говорит, что у вас ничего не было, – прошептала я, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

Арина рассмеялась. Звонко, искренне.

– Ну конечно! А как же иначе? Он же не мог сразу бросить свою... жену, – она произнесла это слово с такой издевкой, что мне захотелось ее ударить. – Ему нужно было время, чтобы все подготовить. Но теперь, после вашего милого скандала, я думаю, вопрос решится гораздо быстрее.

Она сделала шаг ко мне, и ее улыбка сменилась холодной, агрессивной маской.

– Слушайте, Лена, давайте без истерик. Вы все прекрасно поняли. Игорь уходит от вас. Ко мне. И к своему ребенку. Он мужчина состоявшийся, ему нужна нормальная семья, а не вечные слезы и упрёки.

– Он мой муж, – глупо выдохнула я, понимая, насколько это звучит слабо и жалко.

– Бывший муж, – поправила она меня, и ее глаза сверкнули. – Очень скоро он станет моим. Я уже присматриваю платье для свадьбы. А вы не переживайте, Игорек не оставит вас без гроша. Он человек порядочный.

Она повернулась и вышла из переговорки, оставив меня одну в центре маленькой стеклянной коробки. Я стояла, не в силах пошевелиться, и смотрела ей вслед. Она шла по офису своей уверенной походкой, и каждый ее шаг отдавался в моей душе новым ударом.

Он лгал.

Мой муж лгал с самого начала. И его ложь была теперь подтверждена самым веским доказательством – беременной любовницей, которая уже примеряла свадебное платье.

Я медленно вышла в коридор. Мир вокруг плыл, цвета смешались в грязное пятно. Во мне не было ни злости, ни боли. Только ледяная, абсолютная пустота. Я схватилась пальцами за выступ стены и осела на диван. Голова кружилась и я понимала, что если сейчас на найду туалетную комнату, меня вывернет наизнанку.

11. Реальная угроза.

Тошнота подкатила внезапно и неумолимо – горячей, кислой волной, с которой было невозможно бороться. Это был не только стресс. Это было мое тело, мой ребенок, протестующий против этого ада. Я вскочила, пытаюсь пройти к знакомой двери с силуэтом человечка, но ноги подкосились.

В глазах потемнело.

Я сделала несколько шатких шагов и уперлась во что-то твердое. Стол. Ее стол.

И тут мой организм сдался.

Тихий, жалобный звук сорвался с моих губ, а затем все выплеснулось наружу. Горячая, неприятная жидкость залила клавиатуру, разлилась по стопкам аккуратно разложенных бумаг, закапала на дорогой ковер. Я стояла, согнувшись пополам, не в силах остановиться, чувствуя, как по щекам текут слезы унижения, смешиваясь с тем, что только что вышло из меня.

На секунду воцарилась оглушительная тишина. А потом раздался пронзительный, истеричный визг.

– Ты сумасшедшая стерва! – закричала Арина, вскакивая с места так, что ее кресло откатилось и ударилось о стену. Ее идеально подведенные глаза стали огромными от ярости и брезгливости. – Мои документы! Отчет за полугодие! Его сегодня к директору нести! ВСЁ ИСПОРТИЛА!

Она металась вокруг стола, пытаясь спасти тонущие в луже бумаги, ее маникюрные пальцы испачкались в липкой жидкости. Потом она резко выпрямилась, и ее лицо исказила такая чистая ненависть, что мне стало по-настоящему страшно. Она с размаху замахнулась на меня, ее ладонь была сжата в белый от напряжения кулак.

– Ненавижу! Убью!

Я зажмурилась, инстинктивно прикрывая живот обеими руками, готовясь к удару, который должен был обрушиться на меня весь этот кошмар. Но он не последовал.

– Арина! ХВАТИТ!

Голос прозвучал как выстрел. Резкий, властный, металлический, наполненный такой леденящей яростью, что даже Арина замерла с поднятой рукой. Я медленно, через силу, открыла глаза.

В дверном проеме, залитый светом из коридора, стоял Игорь. Он был бледен как полотно, его пальцы сжимали планшет так, что казалось, пластик треснет. Но его взгляд, тяжелый и острый, как отточенный клинок, был прикован к Арине, и в нем бушевала настоящая буря.

– Что здесь, черт возьми, происходит? – его голос был низким, шипящим, не оставляющим пространства для возражений.

– Посмотри, что твоя сумасшедшая жена натворила! – взвизгнула Арина, тыча дрожащим пальцем в залитый стол, в безнадежно испорченные отчеты. – Она все испортила! Я МЕСЯЦ над этим работала! Все цифры, все данные!

Игорь медленно, будто против воли, перевел взгляд на меня. Я видела в его глазах шок, отвращение, но что-то еще... что-то похожее на щемящую, невыносимую боль. Я стояла, вся в слезах, в своей собственной рвоте, униженная донельзя, самое жалкое и никчемное существо во всей вселенной.

– Убери это, – тихо, но с такой стальной интонацией, что стало ясно – это приказ, — сказал он Арине, не отрывая от меня взгляда. – И успокойся. Сейчас же.

– Но, Игорек... она же...

– Я СКАЗАЛ, УБЕРИ! – его крик, громовой и неконтролируемый, заставил содрогнуться даже меня. Он шагнул к Арине, и та инстинктивно отпрянула, наткнувшись на свой же стул. – И не смей на нее поднимать руку. Никогда. Ты меня поняла? Никогда.

Арина, вся пунцовая от злости и публичного унижения, что-то бессвязно пробормотала и, бросив на меня взгляд, полный такого обещающего отмщения, что кровь застыла в жилах, бросилась к столу, хватая салфетки.

Игорь снова посмотрел на меня. Его взгляд был невыносимым.

– Лена... иди... умойся, – выдавил он, и в его голосе слышалась неподдельная жалость. Та самая жалость, которую я ненавидела больше всего на свете.

Это стало последней каплей.

Я развернулась и, спотыкаясь, почти бегом бросилась прочь от этого кошмара, оставляя за собой следы позора на идеально чистом полу.

Я влетела в туалетную комнату, в первую же свободную кабинку, захлопнула защелку и, припав лбом к холодной пластмассовой стенке, зарыдала. Рыдания вырывались из самой глубины души, беззвучные, удушающие, сотрясающие все тело. Я проиграла. Проиграла по всем фронтам. И самое страшное было даже не в том, что он ее защитил.

А в том, что он видел меня такой. Униженной, беспомощной, больной. И в его глазах не было ничего, кроме этой проклятой жалости.

Внезапно скрипнула дверь в туалет.

Быстрые, уверенные шаги на каблуках. Они замерли прямо перед моей кабинкой. Я затаила дыхание, сжимая окровавленные от кусания губ пальцы.

Тишина.

А потом ее голос, тихий, ядовитый, шипящий, как змея, пролез в щель под дверью.

– Слушай сюда, неудачница.

Я не отвечала, прижимаясь спиной к двери, словно могла таким образом отгородиться от нее.

– Ты думаешь, это победа? – ее шепот был полон ледяной ненависти. – То, что он меня отчитал? Он просто испугался скандала. Но это ничего не меняет. Он все равно мой. И ребенок, которой я ношу – сделал твой муженек.

Я сглотнула ком в горле, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

– И если ты думаешь, что этот твой... выкидыш в животе что-то изменит, то глубоко ошибаешься, – она произнесла это с таким сладким, убийственным презрением, что у меня перехватило дыхание. – Я позабочусь о том, чтобы Игорь подал на полную опеку. После сегодняшнего цирка, свидетелей у нас предостаточно. Сумасшедшая, неадекватная мать – не лучшая компания для младенца. А твой... твой просто не родится. Обещаю.

12. Он вскрыет твою жизнь, как консервную банку.

Ее слова «твой просто не родится» прозвучали не как угроза, а как приговор. Они просочились сквозь щель под дверью, тонкие, острые, словно лезвие. И вонзились прямо в самую сердцевину моего страха, туда, где уже жила тень двух предыдущих потерь.

Вместо парализующего ужаса в душе что-то громко щелкнуло. Темное, липкое, жалкое – стыд, отчаяние, ощущение собственной ничтожности – мгновенно исчезли, сгорев в ослепительной вспышке ярости. Это была не эмоция.

Это была физическая сила, поднимающаяся из самого нутра, из той самой точки под сердцем, где спал мой малыш. Он послал мне свою защиту. Материнский инстинкт, древний и беспощадный.

Я медленно выпрямилась.

Дрожь в коленях исчезла, уступив место стальной решимости. Я вытерла лицо тыльной стороной ладони, стирая соленые следы слез и унижения. Пальцы крепко сжали холодную металлическую защелку. Одним резким, мощным движением я выбила дверь плечом.

Арина пошатнулась.

Она стояла, любясь своим отражением в зеркале, с той же сладкой, ядовитой ухмылкой. Удар дверью пришелся ей точно по лопатке, заставив ахнуть от неожиданности и боли. Жаль, что эта тварь осталась цела.

– Ой, простите, – сказала я, и мой голос, хриплый от недавних рыданий, прозвучал неприлично спокойно, почти вежливо. – Не заметила. Здесь что, очередь?

Ее глаза, подведенные стрелками, расширились от изумления. Потом в них запрыгали знакомые чертики высокомерия и злобы.

– Ты... у тебя еще и наглости хватает... – начала она, но я уже была рядом.

Я сделала шаг и вторглась в ее личное пространство, так близко, что увидела мельчайшие трещинки тонального крема у нее под глазами и почувствовала ее духи – тягучие, сладковатые, дешевые.

– Теперь ты меня послушай, – мой шепот был ледяным и четким. – И вбей это в свою пустую, баранью голову.

Она инстинктивно отпрянула, но я была быстрее. Моя рука сжала ее запястье – не до боли, но с такой силой, что ее пальцы разжались, и она не могла вырваться. Кожа под моими пальцами была холодной и влажной.

– Если ты хоть краешком мысли, хоть кончиком ногтя тронешь моего ребенка, – каждое слово падало, как камень в воду, заставляя слушателя затаить дыхание, – то я сделаю вот что. Я не стану тратить деньги на адвокатов. Я найму самого грязного, самого аморального частного детектива, какого только можно найти в этом городе. И он вскрыет твою жизнь, как консервную банку.

Я видела, как ее зрачки расширились, как капельки пота выступили на верхней губе.

– Он найдет каждого твоего мужика, который был у тебя до Игоря. Особенно тех, кто платил. Распечатки со счетов, фото из отелей, переписки. Каждую твою махинацию на работе. Каждую «потерянную» накладную, каждый «случайный» бонус. И он разошлет этот подробный отчет всем, кого ты знаешь. Твоим родителям в ту дыру, откуда ты, судя по акценту, сбежала. Всем твоим «подругам». Каждому сотруднику в этом офисе. Главному боссу, чтобы он знал, кого держит у себя. И, конечно, самому Игоречку. Мне интересно, захочет ли он жениться на карьерной аферистке с таким богатым прошлым. Твое имя станет синонимом грязи. И твой ребенок будет ходить в школу, где одноклассники и учителя будут шептаться о его матери.

Ее лицо побледнело, сменив пунцовый оттенок на мертвенно-белый. Губы задрожали, а в глазах, еще недавно полных торжества, появился настоящий, животный страх. Она увидела не итеричку, а расчетливого врага.

– Ты... ты не посмеешь... – ее голос задрожал.

– Посмею, – сказала я просто, с отвращением разжимая пальцы. Ее рука бессильно упала. – И когда с тобой будет покончено, узнаю от кого ты беременна? Потому что я, дорогуша, больше не верю ни одному слову своего мужа. А уж твоему – и подавно.

Я повернулась к раковине.

Включила воду – ледяную, почти обжигающую. Методично, с каменным лицом, стала смывать с кожи следы ее присутствия, ее духов, ее ненависти. В зеркале я видела ее отражение. Она стояла, прижавшись к стене, обхватив свои плечи руками, будто замерзла. Ее поза кричала о полном поражении.

– А теперь сгинь с моих глаз, – бросила я, не оборачиваясь, вытирая руки бумажным полотенцем с таким видом, будто очищаясь от скверны. – Пока я не решила, что начинать нужно прямо сейчас.

Она метнулась к двери, спотыкаясь на высоких каблуках. Дверь захлопнулась, оставив после себя лишь легкий шлейф дешевых духов и запах страха.

Я глубоко вдохнула, глядя на свое лицо в зеркале.

Глаза были красными от лопнувших сосудов, но в них не было слез.

Я поправила волосы, собрав их в тугий хвост, стряхнула с плеча невидимую пыль и вышла из туалета. Я шла по длинному коридору, чувствуя на себе десятки взглядов – любопытных, сочувствующих, осуждающих.

Я прошла мимо ее стола, залитого желтой жижей, мимо кучки сотрудников, судорожно убирающих последствия моего визита. Я не опускала глаз. Я смотрела прямо перед собой, держа спину прямой, подбородок – высоко.

Каждый шаг отбивал такт: “Больше. Никогда. И ни кому. Не позволю.”

На улице холодный воздух ударил в лицо, но это было освежающе. Я достала телефон. Палец сам нашел номер в памяти. Тот самый, что принадлежал Дане Соколович. Моей Данечке. Лучшей подруге, которая превратилась в Дану Соколович, «стального сокола» семейного права, о которой писали даже в журналах.

*** больше про Дану Соколович можно почитать в романе**

Измена. Бывшая любовь мужа

<https://litnet.com/shrt/F1hF>

– Алло, – ее голос, всегда немного хриловатый от вечных переговоров, прозвучал как глоток крепкого кофе.

– Дана, это я, – мой голос был ровным, – мне нужен лучший юрист по разводам в городе. И мне нужна моя подруга. Ты можешь быть и тем, и другим прямо сейчас?

На той стороне наступила тишина.

Не растерянная, а оценивающая. Потом я услышала знакомый щелчок – звук захлопывающейся папки или отложенной ручки.

– Приезжай. Ты знаешь мой адрес.

Час спустя я сидела в ее кабинете. Не в уютном уголке для друзей, а в ее рабочей зоне – строгой, с тонированными окнами, тяжелым деревянным столом и стеллажами, заставленными томами юридических кодексов. Передо мной стоял стакан с водой, в котором плавал ломтик лимона.

Дана сидела напротив, отложив в сторону очки. Она смотрела на меня не как на несчастную Ленку, а как на сложный, но перспективный кейс. В ее карих глазах я увидела не жалость, а искру азарта и безграничную, хищную готовность к бою.

– Хорошо, – сказала она, открывая новый файл на ноутбуке. Ее пальцы замерли над клавиатурой. – Начинай с самого начала. С того момента, когда ты впервые почувствовала, что что-то не так. Не пропускай ничего. Ни одной смс, ни одного взгляда, ни одной интонации. Особенно детально – про телефон. И дословно – про ее угрозы сегодня. Мы будем собирать на них досье. Кирпичик к кирпичику. И когда стена вырастет, твой горе-муж и его пластмассовая невеста очнутся уже по другую сторону баррикады. И даже не поймут, как их туда перебросили.

13. Сердцебиение... слышно?

Через час, оставив Дане диктофон с записью угроз Арины и все свои разрозненные воспоминания, я вышла из ее кабинета. В руках я сжимала список рекомендаций – что делать дальше, куда идти, какие документы собирать. Но один пункт выбивался из всех остальных, пульсируя тревогой в такт сердцебиению.

Нужно было проверить малыша.

После сегодняшнего стресса, после этих истерик, этой рвоты... Страх, острый и липкий, закрался обратно. Арина ведь не просто угрожала. Она пожелала этого. Ведьма. И мир внезапно показался полным скрытых угроз.

Женская консультация была старой, с облупившейся краской на стенах и стойким запахом хлорки, смешанным с чем-то сладковатым. Я сидела в очереди, лихорадочно листая ленту в телефоне, не видя букв.

Каждая беременная женщина вокруг казалась мне спокойной, умиротворенной, частью какого-то другого, безопасного мира.

– Суворова? К врачу Борисовой, кабинет 308, – позвала медсестра.

Гинеколог, Валентина Сергеевна Борисова, оказалась женщиной лет пятидесяти с усталым, совершенно бесстрастным лицом. Она провела осмотр быстро, почти механически, ее руки были холодными.

– Лежите. Не напрягайтесь. Расслабьтесь уже, – рявкнула она и сурово на меня посмотрела.

Я только стиснула зубы, чтобы не накричать на женщину и отвернулась к стене.

Она молча водила датчиком УЗИ по моему животу, вглядываясь в экран монитора, отвернутый от меня. Ее лицо больше ничего не выражало.

– Срок маленький. Все в порядке, – наконец произнесла она, вытирая гель с моего живота салфеткой, которая пахла спиртом.

– Сердцебиение... слышно? – робко спросила я, пытаюсь поймать ее взгляд.

– На таком сроке не всегда слышно. Не переживайте. Вот вам направление на анализы. Следующий прием через месяц.

Она протянула мне бумажку, даже не глядя в глаза. Ее равнодушие было хуже любой грубости. Мой ребенок, мое сокровище, было для нее просто «маленьким сроком», точкой на экране.

Я вышла из кабинета, чувствуя странную пустоту вместо облегчения. А что, если что-то не так? Что, если стресс...

Я почти бежала по длинному больничному коридору, уставившись в пол, чтобы не встречаться ни с чьими взглядами. И врезалась в кого-то на повороте.

– Ой, простите! – вырвалось у меня, я пошатнулась.

– Ничего страшного, – ответил спокойный, бархатный мужской голос.

Я подняла глаза.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, в элегантном темном пальто, с седеющими висками и внимательными, очень светлыми глазами. В них не было раздражения, только легкое любопытство. Он поднял с пола мою рассыпавшуюся из рук папку с документами и направлением на анализы.

– Вы, кажется, немного не в себе, – мягко заметил он, протягивая папку. Его взгляд скользнул по моему лицу, по следам недавних слез, которые не смог скрыть даже слой тонального крема, и остановился на направлении, которое я судорожно пыталась затолкать внутрь. Он увидел фамилию врача.

– Борисова? – он слегка поморщился, едва заметно. – Суровая дама. Не отличается... тактичностью.

Это неожиданное замечание, сказанное с легкой, понимающей усмешкой, заставило меня на мгновение забыть о своем горе.

– Вы... вы ее знаете? – спросила я, сама не зная, зачем.

– К сожалению, сталкивался с ее работой, – он ответил уклончиво, но в его глазах мелькнуло что-то серьезное. Он вынул из внутреннего кармана пальто визитницу и извлек одну карточку. – Если будут вопросы по ведению беременности... или потребуется второе мнение, не стесняйтесь. Клиника “Ребенок и мама”. Я руковожу отделением перинатологии.

Я взяла карточку.

Тонкий, матовый картон.

«Профессор Арсений Владимирович Леонтьев. Врач акушер-гинеколог, перинатолог, доктор медицинских наук».

Профессор. Руководитель отделения в самой известной частной клинике города. Человек, к которому записывались за год вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.